

РЕЦЕНЗИИ

ПАНОВ Е.Н. "БЕГСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ В ПРИРОДЕ И В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ" М.: ЛАЗУРЬ, 2001. 640 С.

© 2005 г. М. Д. Голубовский

С.-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН

199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
e-mail: mdgolub@yahoo.com

Поступила в редакцию 02.06.2005 г.

Кто может сказать, где начинается и где кончается индивидуальность, представляет ли живое существо единство или множественность, клетки ли соединяются в организм или организм разлагается на клетки? Тщетно, втискиваем мы живое в те или иные рамки.

А. Бергсон. Творческая эволюция.

Человек, избавленный от всего так называемого "животного", лишенный стремлений, исходящих из тьмы, человек как чисто разумное существо *был бы отнюдь не ангелом, скорее его полной противоположностью*".

К. Лоренц. Так называемое зло.

Любую область знания в человеческом обществе можно сравнить с пирамидой. На вершине ее - когорта профессионалов со своим особым языком, символами и задачами, понятными лишь им. Внизу - большинство популяции, мы с вами, т. е. профаны в данной области. Культурное взаимопонимание верха и низа требует срединного слоя - специалистов, которые вполне понимают, что происходит на верхних этажах, и способны доступно и интересно транслировать это знание в общество. Плохо и опасно, когда связь уровней пирамиды нарушается. Так, согласно одному из недавних социологических опросов, лишь около 6% населения Англии доверяют утверждениям университетских профессоров в области генной инженерии - очевидный результат их пренебрежения мнением публики.

Лишь иногда высокий профессионализм сочетается с желанием и даром трансляции в общество идей и смысла исканий в своей области. Такую поистине счастливую комбинацию мы имеем в лице биолога, профессора Евгения Николаевича Панова. Вот уже более 40 лет он плодотворно работает в области эволюционной зоологии и изучения поведения животных в природе (этологии). Но помимо этого, Панов обладает замечательным даром популяризатора и рассказчика-натуралиста. Он способен передать людям дух поиска и свое ослабевающее благоговение перед красотой и загадками разнообразия и эволюции мира живой

природы. И здесь Евгения Панова можно сравнить с такими признанными современными популяризаторами биологии, как Дэвид Этенборо, Нико Тинберген, Конрад Лоренц или Стив Гулд. Научно-популярные книги Панова удостоены многих премий и переведены на ряд иностранных языков.

Задачу новой большой и хорошо иллюстрированной книги "Бегство от одиночества" можно назвать поистине дерзкой. Автор задумал проследить и рассказать широкой аудитории, как происходит и в каких формах воплощается в животном мире нашей планеты стремление индивидов одного вида к себе подобным - от ассоциаций бактерий до многоклеточных организмов, сообществ пчел, муравьев и термитов, колоний пингвинов и прайдов львов и, наконец, множества этносов у человека. Иными словами, все то, что объемлет термин "биосоциальность".

Взгляд на мир с этой позиции показывает, что все живое всегда коллективно! Каждый организм построен из других соподчиненных организмов. Во многих случаях граница индивид - коллектив зыбка и размыта, и трудно сказать, что перед нами: *коллектив индивидов* или *коллективный индивид*. Особенно это заметно в организации и образе жизни водных беспозвоночных организмов - медуз, моллюсков, мшанок, асцидий. Они, как убедительно иллюстрирует Панов, во множестве случаев построены из сборных причудливых модулей-ассоциаций, где отдельные клетки отдают на вре-

мя или навсегда часть своих структур или функций, слагаясь сплошь и рядом в сложные архитектурные ансамбли. Эти модули наиболее эффективно комбинируются у прикрепленных к субстрату видов - кораллов, полипов. Но иногда, подобно космической станции, они отправляются в свободное плавание. Таков "португальский морской корабль", чудо океанских просторов, знаменитый странствующий многомодульный гидроидный полип-гигант физалия. Для описания строения этих существ вводятся такие новые непривычные термины, как "бионт", "зооид", "кормус". И все равно, замечает Панов, "приходится зачастую брести на ощупь. Плоды необузданной фантазии природы упорно не желают укладываться в прокрустово ложе даже простых классификаций".

Муравьи, пчелы и термиты образуют коллективные индивиды, суперорганизмы со сложными и совершенными по архитектурному воплощению и жизнеобеспечению жилищами. Изучение этих сообществ почти ежегодно приносит новые открытия. Панов посвящает им специальную большую главу в книге. Он напоминает слова Чарлза Дарвина, что только ограниченный человек может не прийти в крайнее изумление, рассматривая удивительное по своей геометрии строение пчелиного сота. Не менее совершенными оказываются и гнезда муравьев с их способностью менять форму купола ("муравьиная куча") и скрытым от непосвященных глаз сложным подземным ансамблем камер и многоярусных галерей на глубине до 2 м.

За последние десятилетия были открыты абсолютно удивительные достижения муравьиных и термитных социумов - коллективное грибное садоводство и животноводство. Детально и со вкусом Панов анализирует социальную структуру и функционирование этих сообществ, перешедших к земледелию и разведению животных за многие тысячи и миллионы лет до появления человека. Около 40 разных видов муравьев-листорезов Северной и Южной Америки освоили целенаправленное разведение грибов из мякоти особым образом обработанных листьев в специальных камерах-плантациях. К гриборазведению независимо пришли и ряд видов термитов. Причем здесь эта способность, как пишет Панов, достигает поистине индустриальных масштабов. В саваннах Африки на одном гектаре могут обитать до 5 миллионов термитов четырех видов. В их гнездах насчитывают до 60 тысяч камер с грибными садами. Одна община муравьев, разводящая дойных тлей-коровок, "надаивает" за год до 60-100 кг сахара. Муравьи Занзибара освоили разведение древесосущих щитовок, которые выделяют сахаристые выделения, собираемые муравьями для жизнеобеспечения.

Социальная жизнь таких коллективов/сообществ включает многопрофильную разнообразную профессионально-кастовую специализацию

индивидов, их слаженную биокоммуникацию и сложную систему регуляции их воспроизведения, обычно с маткой-царицей и ее заботливым окружением (подобно яйцеклетке и окружающим ее фолликулярным клеткам-кормилицам у млекопитающих). Остается тайной, как на основе единого генотипа происходит в ходе индивидуального развития глубокая морфо-функциональная специализация на касты и профессиональные группы, каким образом за счет одного только направленного изменения режима питания создается "яйцефабрика" в виде особи-царицы и как вся громадная община регулирует свой профессионально-половой состав. Саморегулирование - не миф, а реальность, пишет Панов. Сами собой напрашиваются далекие параллели с регуляцией профессионального состава в человеческом обществе.

Серия глав посвящена увлекательным рассказам о причудливых и неожиданных формах супружеских, семейных и групповых отношений в мире птиц и млекопитающих. Здесь есть все, суммирует Панов, - от мимолетных любовных свиданий, после которых будущая мать уже никогда не встречается со своим избранником, до многолетних моногамных пар и сплоченных семейных групп в десятки, сотни, а порой и тысячи особей. Для описания разных сценариев поведения семейных пар у птиц Панов находит образные антропоморфные метафоры: *экономика семейной жизни, брак по расчету, разводы и измены, неверному супругу платят тем же, самки-амазонки, вольные нравы в содружестве желудевых дятлов, коммуна султанок — пример для подражания?*

Как оказалось, моногамия распространена в основном у птиц, а среди 4 тысяч видов млекопитающих моногамия найдена лишь примерно у 5% видов! Причина столь резких различий довольно прозаична и коренится в энергетике и характере воспроизведения. У птиц мамаша-одиночка не может одновременно обогревать яйца и добывать пропитание. Тогда на помощь приходят отцы. И чем самоотверженней их помощь, тем больше увеличиваются шансы выживания. В таких невыносимых условиях, как на льду Антарктиды, самцы в колониях императорских пингвинов более 2 мес без всякой пищи хранят яйца в складках-фартуках брюшка.

Среди птиц очевидна корреляция между степенью моногамии и экономикой семейной жизни. По характеру воспроизведения птицы делятся на две группы. У птенцовых (ласточки, дятлы, синицы, воробьи, сороки) птенцы вылупляются голыми и слепыми, долго остаются в гнезде и требуют заботы. У выводковых (утки, гуси, лебеди) птенцы выходят из яйца зрячими, покрытыми пухом и способны спустя несколько часов после вылупления следовать за родителями. Среди птенцовых моногамия почти что правило. А вот среди вывод-

ковых птиц она факультативна, и здесь возможны всякие непредсказуемые вариации. Если у уток самцы покидают самок еще до того, как те приступают к насиживанию, то у гусей самец строго охраняет гнездовую территорию и затем заботливо опекает выводок.

Многолетние наблюдения с использованием кольцевания у перелетных птиц привели к неожиданным выводам. У одних видов птиц, к примеру у серебристых чаек, до 80% пар остаются верными на протяжении нескольких лет. У буревестников была даже найдена пара, хранившая союз спустя 23 года после того, как их видели впервые! Однако во многих случаях моногамия и супружеская верность отнюдь не совпадают. Моногамия как способ заботы о потомстве сохраняется, но примерно в 50% случаев семейные пары ежегодно обновляют партнеров. Среди большинства пернатых распространены парные семейные связи, которые Панов называет *территориальной моногамией*. Самцы моногамных перелетных птиц скорее верны своему прошлогоднему месту гнездования и готовы принять каждый год новую самку в облюбованную ранее квартиру, если только туда замешкает возвратиться прошлогодняя избранница. И тогда возникает чисто антропоморфный конфликт.

Описание подобного конфликта у каменок - обитателей предгорных полупустынь Средней Азии — одно из замечательнейших наблюдений поведения животных в природе, переданных мастерской рукой. В одной из экспедиций Панов-натуралист наблюдал два разных сценария конфликта, когда самки запоздали к своему прошлогоднему гнезду, а самец, прибывший туда ранее, уже принял в союз новую избранницу. В первом случае самец занял позицию нейтралитета, а самки гонялись друг за другом до полного изнеможения. В итоге вновь прибывшая самка отказалась от своих притязаний и уступила. Прочитую авторское описание второго сценария. "В другом эпизоде, свидетелем которого я оказался, самка, занявшая территорию первой, попыталась было дать отпор пришельце, но тут вмешался самец. Каждый раз, когда его нынешняя супруга пыталась заявить свои права на территорию, самец свирепо набрасывался на нее, так что она вынуждена была стремглав прятаться в ближайшую расщелину скалы или под нависающий камень. У этой самки уже было выстроено гнездо, так что вновь прибывшая не смогла вытеснить ее с участка. Но и новая претендентка не уступила, заняв в итоге большую часть территории самца-хозяина, куда первая самка отныне не имела доступа. В результате самец оказался одновременно мужем двух самок".

Мне вспомнилось удивительно сходное описание брачного поведения аистов в известной книге австрийского биолога и философа, лауреата Но-

белевской премии Конрада Лоренца (1903-1989) в его известной книге "Так называемое зло. К естественной истории агрессии". (Книга вошла в сборник работ Лоренца, выпущенный под названием "Оборотная сторона зеркала". М.: Республика, 1998). Бытуют легенды об удивительной семейной привязанности аистов, которые якобы перед отлетом в Африку вершат суд над аистихами, повинными в супружеской измене. Однако вот наблюдение биолога с использованием метода кольцевания для опознания истинной "аистинной личности": "В тот год самец вернулся рано, а через несколько дней, когда он стоял на гнезде, появилась чужая самка. Самец приветствовал чужую даму, щелкая клювом. Она тотчас опустилась к нему на гнездо и так же приветствовала его. Самец без колебаний впустил ее и обращался с нею точь-в-точь до мелочей так, как всегда обращается самец аиста со своей долгожданной супругой при ее возвращении.. Они вдвоем были уже всю заняты ремонтом гнезда, когда вдруг явилась старая самка. Между аистихами началась борьба за гнездо не на жизнь, а на смерть, а самец наблюдал за ними безо всякого интереса и даже не подумал принять сторону старой супруги против новой или наоборот. В конце концов новая самка улетела, побежденная "законной" супругой. А самец после смены жен продолжал свои занятия по устройству гнезда с того самого места, где его прервал поединок соперниц. Он не проявил никаких признаков того, что вообще заметил эту двойную замену одной супруги на другую. Как это не похоже на легенду о суде!"

По описаниям Панова, у оседлых моногамных птиц нередки разводы и измены по "меркантильным соображениям" - где лучше угодья. У моногамов-сорок есть пары, обитающие либо на богатых угодьях, либо на более скудных. Оказывается, если самец из богатых угодий случайно овдовел, к нему тут же прилетает сорочиха, бросившая ради "сладкой жизни" прежнего супруга. Меркантильные интересы явно преобладают над бескорыстными привязанностями членов моногамных пар. Ежегодно обновляется около 1/3 сорочьих пар. Но более того, генетические методы установления отцовства показали, что нередко птенцы не могут быть детьми законного владельца гнезда. "А это значит, - изящно замечает автор, - что самка, оставаясь связанной обязательствами моногамного брака, не хочет или не может не уступить домогательствам случайных кавалеров, с которыми судьба может свести ее на перепутье жизни".

Панов-натуралист, знаток поведения животных в природе, не согласен с довольно широко распространенной гипотезой Р. Гамильтона (не натуралиста, а скорее биоматематика) о возникновении альтруизма и групповой заботы о потомстве за счет распространения гипотетических генов альтруизма. Предполагается, что носители этих генов отказываются сами от воспроизведения, помогая в

семейной жизни сородичам, у которых повышена вероятность иметь те же сходные гены. Так, мол, в ряду поколений происходит отбор групп с альтруистическим поведением. Однако наблюдения в природе колоний птиц, куда входят особи - помощники в воспитании потомства, показывают, что эти помощники либо особи-иммигранты, либо они отказываются от своих репродуктивных функций только на время и только и ждут удобного случая, чтобы занять место высокорангового размножающегося сородича.

Сопоставляя поведенческие сценарии взаимоотношений индивид - коллектив на разных уровнях эволюционного древа, Панов делает важный вывод, что одни и те же формы коллективизма возникают в процессе эволюции параллельно и независимо в совершенно неродственных друг другу ветвях органического мира. И этот вывод справедлив также для "*галактики этносов*" и культур, из которых, по выражению Панова, слагается человечество.

Разнообразие социального поведения людей посвящена последняя, самая большая глава книги. Панов сразу заявляет о своем согласии с парадоксальным выводом французского социолога Эмиля Дюркгейма (1858-1917), что у человека индивидуальная жизнь возникла из коллективной, а не наоборот, как это наблюдается во всем животном мире. Не труд и даже не рациональная деятельность, а появление **языка**, этого особого рода идеальной символической реальности, доминировало в эволюции человека и его коллективов. Решающим стало "**лингвистическое поведение**", где два осевых противоположения "я - ты" и "мы - они" регулируют поведение индивида и внутри группы, и во взаимодействиях разных социальных группировок.

Для описания поведения первобытных социумов, реликты которых остались в разных частях света, Панов находит емкую метафору из житейского языка: "Опирайся на родных, остерегайся всех иных". Система родства, или *lineage*, служит поведенческим стержнем любого примитивного этноса. Она определяет, кто "мы", а кто "они" (чужаки). Далее следует нерадостный вывод, к которому пришли антропологи, изучая мировидение и социальное поведение примитивных этносов: отсутствие каких-либо морально-этических обязательств перед чужаками и наивно-жестокое, инфантильное пренебрежение жизнью иноплеменника. В этом состоят истоки постоянных войн с чужаками, которые цементируют отношения внутри "мы", т.е. внутри своего племени. Женщины

чужаков рассматривают как трофеи наряду со скотом. "Все это, на мой взгляд, - обобщает Панов, - сильно подрывает позицию тех, кто верит, что фундаментальные нормы морали изначально свойственны человеческой природе". Эти нормы - продукт долгой духовной и социальной эволюции человека.

Само название книги Панова "Бегство от одиночества" явно перекликается с названием известной книги психолога и культуролога Эриха Фромма "Бегство от свободы", написанной в начале 40-х годов, в разгар второй мировой войны. Необходимость возлагать на самого себя ответственность за свою судьбу и необходимость принятия решений является для многих людей тяжким бременем. Отсюда тяга к авторитарным патерналистским режимам или же строгое подчинение конформизму демократий. "Главные пути, по которым происходит бегство от свободы, - это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии". Цитируя этот вывод Фромма, Панов считает его слишком алармистским, ибо человек никогда не испытывал ничем не омраченного комфорта. В архаических обществах люди живут под постоянным страхом голода, враждебных духов и нападения чужаков. Отсюда неискоренимая вера в утопию, в возможность построения общества без конфликтов - утопий, которые в XX в. повлекли за собой бесконечные беды, страшные жертвы и страдания. Конфликты, увы, неизбежный результат всякой организованной системы, любого сообщества. И признание этого факта следует положить в основу приемлемого политического и государственного устройства.

Лучше всего, полагает Панов, об этом сказал Эммануил Кант: "Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо: и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и окунулся с головой в работу и испытал трудности, чтобы найти средства разумного избавления от этих трудностей".

Замечательная книга зоолога-эволюциониста Панова - для тех людей, кто не боится неожиданных и непривычных биологических знаний об окружающем нас мире живой природы и кто не собирается спасаться бегством от той интеллектуальной свободы и того бремени, которое приносит это знание. Плюсы и минусы давно сформулированы народной мудростью: вместе тесно, а врозь скучно.